

Вырезка из газеты

ИЗВЕСТИЯ

от 7 июня
1985 г.

г. Москва

◆ Премьера

Зачем детектив?

16 июня I программа предлагает премьеру художественного телефильма «Судья и его палач», снятого во Франции по одноименному произведению швейцарского писателя Ф. Дюрренмата. Наш корреспондент встретился с автором.

— Советское телевидение показывает вашу работу...

— Это — приятный сюрприз, тем более, что речь идет об одной из моих ранних вещей. Знаете, у меня иногда возникает впечатление — поэзия, роман, эссе ведут себя, как твои дети: живут своей жизнью, одеваются как хотят, ходят в гости к кому хотят...

— Но ваши иногда приносят родителям и радость?

— Я — не эгоист. Если кто-то остался доволен, задумался над тем, что я хотел сказать, это уже много. В наш век писатель, будучи откровенен, в лучшем случае может тревожить, очень редко повлиять. Моя задача — заставить собеседника заглянуть внутрь себя — не совсем ли он утонул в трясине быта, полностью ли устраивает его затхлая жизнь между телевизором и работой, может ли он снова возвратиться к нормальному образу жизни, не спешить, думать, мечтать не только о деньгах, перестать быть циником.

— Как вы сами относитесь к детективу?

— А как к нему относились Толстой, Чехов, Достоевский? Кровавые преступления, может быть, и вызывают нездоровый интерес, но нельзя же насильно и бесконечно «кормить» читателя такими подробностями. Насилие, первый ньютоновский закон детектива, вызывает сначала содрогание, естественный отпор чита-

теля, но затем воображение требует показа еще большего насилия. Я бы предъявлял халтурщикам от детектива судебный иск: сколько душ они растлили, сколько молодых людей взялись за автомат, стали наслаждаться насилием. Для меня главное — показать человеку, что он несовершенный. Но в этом-то и его отличие от робота, от машины. Он может и должен страдать, в этом его естественное состояние. Только тогда он станет лучше и счастливее.

— В ваших детективах часто звучит тема самонаказания...

— Я долго задумывался над этим. Самый страшный суд, когда мы сами судим свои поступки. Но посмотрите, часто ли мы делаем это, спрашиваем себя по всей строгости. Не гоним ли свою совесть подальше, заставляя ее помолчать, когда она должна кричать во весь голос: остановись, хватит подличать!

— Чем вы заняты сегодня?

— Недавно вышли на французском языке мои новеллы, философские эссе. Я их условно назвал «Черновики». В детстве я увлекался рисованием, в 12 лет получил свою первую премию (конечно, швейцарские часы), и один из членов жюри, покачивая головой, предсказал мне, самоуверенному юнцу, погоны полковника. Но в швейцарской армии я не поднялся выше рядового, а в жизни выше писателя.

— Вы, как и в юности, соблюдаете норму — три страницы в день?

— Сейчас все по-другому. Чем меньше, тем получается лучше. Но кто-то из древних сказал правильно: ни дня без строчки.

В. КУЗНЕЦОВ,
соб. корр. «Известий».

ЖЕНЕВА.